Луговой О. Ю.,
докторант,
Российский государственный социальный университет

Особенности конкуренции государства

В статье излагается экономико-теоретическая концепция действий государства как конкурирующей микроэкономической организации. Определяется существо конкуренции, совершаемой государством; выявляются основания и особенности его конкурентных действий.

Представление об осуществлении государством регулирования экономики является типичным, ибо в исследованиях государство фигурирует в качестве политической или социально-политической организации, «реализующей “экономические функции”» [см. 2, с. 201—266]. Соответственно концепция государственного регулирования не является чисто экономической. Кроме того, будучи типичной, эта концепция, как следует ожидать, должна быть аргументированной, ясной, однозначной и логически корректной. Это, однако, не так.

Не воспроизводя известные модели государства, выделим два контекста концепции государственного регулирования.

Контекст: теория благосостояния. Представление о совершении государством регулирования экономики, соответствующее теории благосостояния, является необоснованным вследствие предметно-методологической и логической несовместимости фундаментальных теорем данной теории: в совершенно конкурентной (вальрасовской) модели экономики «провалы рынка» невозможны, а потому альтернатива «государство — рынок» теоретически произвольна.

Третья теорема теории благосостояния исключает вторую — допускающую достижение Парето-оптимума при устранении государством неравенства в распределении — вследствие невозможности функции общественного благосостояния. Несовместимы также первая и вторая фундаментальные теоремы. Первая теорема соответствует вальрасовской модели общего равновесия: максимизирующие целевые функции абсолютно рациональные субъекты совершенно конкурентной экономики осуществляют Парето-оптимальный выбор. Вторая теорема содержит указание на обстоятельства — неполнота информации, монополии, внешние эффекты, общественные блага, неравенство в распределении ресурсов и благ, — принимаемые в качестве оснований государственного регулирования экономики, несовместимые с фундаментальными допущениями теории совершенно конкурентного общего равновесия. В контексте этой совокупности обстоятельств вторая теорема необходимо является алогичной: максимизирующие целевые функции и не имеющие полной информации абсолютно рациональные агенты несовершенно конкурентно делают Парето-оптимальный выбор при условии взимания государством соответствующих единовременных налогов и выплаты единовременных трансфертов, (а) компенсирующих неполноту информации, несовершенство конкуренции, отрицательные экстерналии, (б) обеспечивающих удовлетворение потребностей в общест-

венных благах и равенство в распределении.

Контекст: институционализм (концепции трансакционных издержек, прав собственности, общественного выбора и т.п.). Согласно институциональной версии аллокация и дистрибуция определяются не собственно рынком, а неким «набором институтов, в рамках которых регулярно происходит обмен правами собственности», или иначе совокупностью институтов (в том числе и государством), определяющей права собственности и правила, в рамках которых действуют субъекты обмена правами собственности. Если распределение ресурсов и доходов совершаются институциональной средой, то основание государственных действий — отнюдь не «провалы рынка»; они теоретически (институционально) не существуют. Таковыми логически являются «провалы институциональной среды», в том числе «провалы государства». Следовательно, в институциональной версии выражение «государственное регулирование экономики» имеет значение «регулирование государством институциональной среды и собственно государства как основного ее элемента (института)», а по существу подразумевается «регулирование совокупности институтов, определяющих обмен». Совершенно очевидно, что регулирование рынка и, стало быть, рыночно организованных отношений теоретически невозможно, а идея «государственное регулирование экономики есть регулирование (в том числе) государства» является алогичной. Таким образом, институциональная версия теоретически исключает возможность государственного регулирования экономики — совокупности типичных отношений экономических агентов.

Итак, казалось бы, идея совершения государством (фигурирующим в качестве организации, монопольно имеющей возможность легитимного насилия) регулирования экономики является столь же аргументированной, сколь и типичной. Квалификация действий государства как регулирования экономики, однако, не является теоретически обоснованной. Этот вывод не является таким уж странным, если принять во внимание тот теоретический факт, что соответствующие (в контексте которых декларируется идея государственного регулирования) модели не являются моделями товарно-денежного типа хозяйственной организации [см. 2, с. 190—200].

Согласно нашей концепции государство не может (а) управлять экономикой или же (б) регулировать экономическую организацию. Причиной этого является то обстоятельство, что государство — это фирма, или иначе бюджетная микроэкономическая организация, специализирующаяся на производстве денег. Государство-фирма не является антиподом фирмы и рынка, т.е. альтернативным фирме и рынку типом микроэкономической организации. Как и фирма, государство-фирма — сообщество экономических агентов, типично совершающих производство, товарно-денежное присвоение и формирование единого бюджета. Эти действия государства являются необходимо типичными для субъектов рыночного (товарно-денежного) типа хозяйственной организации. Соответственно нет никаких оснований полагать, что государство-фирма совершает некое регулирование экономической организации.

И государство-фирма, и фирма являются бюджетными микроэкономическими организациями. Задачи государства-фирмы и фирмы идентичны — при-

своение чистого денежного дохода, необходимого для их воспроизводства. Будучи фирмой, государство является участником рыночного — товарно-денежного — обмена, а следовательно, и рыночной (товарно-денежной) конкуренции. Соответственно государство-фирма необходимо конкурирует с (1) иными фирмами (и индивидами) и (2) другими государствами.

Конкуренция экономических агентов — состязание за возможность присвоения продуктов специализированных действий других агентов. Совершаемое экономическими агентами присвоение — товарно-денежное присвоение. Соответственно конкуренция потенциальных покупателей и продавцов — это состязание за возможность товарно-денежного присвоения. Между тем товарно-денежное присвоение — необходимое условие совершения экономическими агентами производства и потребления. Поэтому, в конечном счете экономическая конкуренция — состязание специализирующихся (и потому не способных к автономному воспроизводству) индивидов за возможность индивидуального воспроизводства.

В контексте данного определения сущности конкуренции становится аналитически очевидной основная причина типичного представления о том, что монополизм исключает конкуренцию. Этой причиной является доминанта фрагментарного познавательного отношения — типичное фокусирование исследователями внимания на внутриотраслевом рынке, или иначе на внутриотраслевых отношениях (отношениях продавцов), альтернативными вариантами которых выступают совершенная конкуренция и монополия. В соответствии с этим познавательным отношением основной критерий классификации типов рыночной структуры — число продавцов. Как следствие, монополия (безотносительно к взаимодействию продавца и покупателей) квалифицируется как антипод конкуренции (продавцов), а не проявление последней. Между тем из идентификации какой-либо бюджетной микроэкономической организации в качестве монополиста совершенно не следует вывод о том, что данный монополист не является субъектом межотраслевой конкуренции. Например, некая фирма, осуществляя технологическую и продуктовую инновации, создает новую отрасль экономики и становится монополистом. Означает ли данная ситуация, что действия этой фирмы являются неконкурентными? Разумеется, нет, ибо, примем во внимание бюджетные ограничения экономических агентов, эта фирма объективно оказывается участником межотраслевой конкуренции.

Соответственно необходимо констатировать теоретическую неадекватность известных концепций конкуренции. В качестве иллюстрации этой неадекватности воспроизведем представление Ф. Шамхалова: «Существует несколько определений конкуренции. Это, во-первых, состязательность на рынке, во-вторых, рыночный механизм, призванный уравновесить спрос и предложение, в-третьих, критерий, по которому определяется тип отраслевого рынка. <…> В целом конкуренцию можно рассматривать как соперничество за достижение лучших результатов на каком-либо поприще, а в экономике — как соперничество между двумя либо многими субъектами экономической деятельности, или участниками рынка за наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров для получения на этой основе максимальной прибыли» [6, с. 133]. Данное

представление не является точным, ибо (1) игнорируется межотраслевая конкуренция, (2) конкуренция не определяется однозначно, а отождествляется с неким «рыночным механизмом», (3) «выгодные условия производства и сбыта товаров» и получение «максимальной прибыли» не являются целями конкуренции ограниченно рациональных экономических агентов. Шамхалов утверждает: «Главное содержание конкуренции состоит в производстве товаров с минимальными издержками и их продаже как можно дороже для того, чтобы, во-первых, возместить издержки производства, во-вторых, максимизировать прибыль» [6, с. 132]. Это утверждение корректно по отношению лишь к фирмам в статической модели совершенной конкуренции, но безотносительно к каузальной модели. Наконец, как нетрудно заметить, изложенные представления не соответствуют и собственному положению исследователя о ценовой конкуренции: «Ценовая конкуренция подразумевает стремление добиться успеха в конкуренции путем снижения цен, базирующегося на снижении себестоимости продукции или прибыли; продажи товаров и услуг по ценам ниже, чем у конкурента» [6, с. 136].

Неточным, игнорирующим межотраслевую конкуренцию, является и представление о неценовой конкуренции. Ф. Шамхалов полагает: «Неценовая конкуренция основана на продаже товаров более высокого качества и надежности, достигаемых благодаря техническому превосходству; эффективной рекламе, маркетинге и обновлении продукта; приведении товара в соответствие международным стандартам и т.д.» [6, с. 136].

Неточность этого положения заключается в указании на то, что необходимым условием неценовой конкуренции является наличие более чем одного продавца соответствующего вида товара. Этим, явно подразумевающим некоторое множество продавцов, указанием является утверждение о различии неценовых признаков — уровней качества и надежности — продаваемого вида товара. Между тем представленный ранее пример фирмы, создавшей новую отрасль и ставшей монополистом вследствие осуществления инноваций, дает основание утверждать иное. Наличие отраслевого монополиста отнюдь не исключает неценовую межотраслевую конкуренцию. В этом случае неценовым признаком конкуренции является не имеющее аналогов назначение продукта, продаваемого в качестве товара. Если же данная фирма-монополист намеренно начинает снижать цену предложения соответствующего товара (изменяются соотношения цен товаров различных отраслей), то помимо неценовой межотраслевой конкуренции фирма-монополист становится участником и ценовой межотраслевой конкуренции.

Причиной же того, почему действия государства рассматриваются вне контекста концепции экономической конкуренции, является типичное отношение к государству как к внеэкономическому явлению. Так, Фуруботн и Рихтер полагают: «Государство может трактоваться… как фирма, как организация,… принадлежащая одному правителю, правящему классу или народу… И государство, и фирму можно рассматривать как политические системы… И конечно, государство и фирма могут быть представлены как социальные системы… Существует, однако, серьезное различие между фирмой и государством. Госу-

дарство обладает верховной властью и может устанавливать правовые формы. Фирма, напротив, таким правом не обладает и должна подчиняться законам того государства, в котором осуществляет свою деятельность» [5, с. 521]. Соответственно государство и фирма априори — предметно и методологически — определяются как разнородные явления: действия государства, монополиста в осуществлении легитимного насилия, не могут быть объяснены исключительно в экономико-теоретических терминах, а потому концепция экономической конкуренции неприменима к государству.

В представленной нами модели появление и последующие действия государства, отношения индивидов и фирм являются субстанциональными — независимыми от внеэкономических обстоятельств, а именно традиций, моральных ценностей, юридических норм и т.п. Экономические агенты не являются традиционалистами или нигилистами по отношению к традициям, нравственными или безнравственными, законопослушными либо преступающими законы, а собственно государство не осуществляет законодательную деятельность, сопряженную с возможностью легитимного насилия. Строго говоря, конституцию и производные юридические законы можно квалифицировать в качестве долговых обязательств государства, которые, как свидетельствует эмпирика, никогда не являются непротиворечивыми и никогда полностью не выполняются ни одним государством. Тем не менее, в соответствии с предметно-методологическим типом данного исследования, исключающим внеэкономические аспекты, мы игнорируем законодательные и связанные с ними карательные действия государства (а в модели открытой экономики — внешнюю агрессию, а следовательно, и необходимость в обороне). Для нас существенно выяснение возможности теоретически корректного применения концепции экономической конкуренции в исследовании государства, которое, разумеется, не предполагает анализа конкретных и весьма разнообразных ситуаций.

Исследование конкуренции государства-фирмы (конкурирующего государства) необходимо допускает два аспекта. Первый аспект — конкуренция государства-фирмы как микроэкономической организации, совершающей производство денег и присвоение эмиссионного налога и процентного дохода. Второй аспект — конкуренция фирмы «государство» в качестве микроэкономической организации, совершающей производство услуг, отличное от производства денег; ему соответствует неэмиссионное налогообложение.

Сфокусируем внимание на первом аспекте.

В модели закрытой экономики государственная эмиссия денег является безальтернативным производством; как было установлено, коммерческие банки деньги не эмитируют. Это обстоятельство — безальтернативная эмиссия денег — тем не менее не исключает конкуренцию.

Государство-фирма не является нейтральной по отношению к величинам эмиссионного дохода и процентной ставки (цене продаваемой государством кредитно-денежной услуги). Совершая денежную эмиссию и соответствующую продажу кредитно-денежной услуги, специализирующиеся участники микроэкономической организации «государство» (государственные предприниматели и работники) необходимо являются субъектами конкуренции — соперничества

за возможность присвоения продуктов специализированных действий других экономических агентов, а в конечном счете за возможность индивидуального воспроизводства. Для участников государства-фирмы величины соответственно предпринимательской прибыли и заработной платы являются существенными обстоятельствами индивидуального воспроизводства. Следовательно, государство-фирма состязается с другими фирмами и индивидами за возможность присвоения количественно определенных налогово-эмиссионного и процентного доходов. Соответственно в контексте индивидуальных целей государственных предпринимателей и работников количественно актуальные эмиссионный и процентный доход, соответствующие предпринимательская прибыль и заработная плата являются промежуточными объектами конкуренции, а продукты специализированных действий других агентов — конечными предметами конкуренции.

Ставка эмиссионного налогообложения и процентная ставка, однако, не могут изменяться существенно. В том числе не могут быть существенными и непрерывными их снижение (до нуля) или рост. Следствием этих изменений является тенденция к экономической дезорганизации — к бартеризации и последующей автономизации индивидуальных хозяйственных действий (соответствующей технологической деградации производства), сопряженной с исчезновением денег, эмиссионного налогообложения и собственно государства-фирмы. Таким образом, имеет место конкуренция, проявляющаяся в определении именно величин эмиссионного налогообложения и процентной ставки (процентного дохода).

На первый взгляд, конкуренция государства-фирмы и фирм относительно собственно эмиссионного налога и процентного дохода является невозможной вследствие актуальности монопольной денежной эмиссии для экономических агентов: в отсутствие этого типа налогообложения и продажи государством кредитно-денежной услуги товарно-денежная организация является невозможной; произойдет дезорганизация последней, а именно ее замещение бартерной организацией.

Это предположение, однако, неверно. Если государство не производит деньги, то оно не присваивает денежный доход и не имеет возможности присваивать продукты специализированных действий других агентов; государство исчезает. Поэтому следует полагать, что средством конкуренции государства как денежного эмитента — его состязания с иными агентами за возможность присвоения чистого денежного дохода и соответственно продуктов специализированных действий других — является собственно производство и предоставление государством денег. Поскольку в качестве денежного эмитента государство является монополистом, а эмиссию денег следует квалифицировать как особую отрасль производства, можно утверждать, что в этом качестве государство — субъект неценовой межотраслевой конкуренции.

Примем, далее, во внимание иные государства-фирмы и экономические организации. В модели открытой экономики дополнительным обстоятельством, ограничивающим рост эмиссионного налогообложения и ставки процента данным государством, является межгосударственная экономическая конкуренция

— конкуренция государств-фирм. Поскольку эмиссия денег, присвоение эмиссионного налога и процентного дохода являются необходимыми условиями формирования доходов индивидов, сообщество которых есть государство, межгосударственная конкуренция — это состязание государств-фирм за возможность производства денег и, стало быть, за возможность присвоения налогово-эмиссионного и процентного доходов. В случае вышеуказанного роста у экономических агентов — субъектов соответствующей экономической организации — возникает основание становиться участниками иной экономики, а именно покупать кредитно-денежные услуги иного государства (использовать иные деньги — иную валюту) и совершать эмиссионные налоговые расходы по отношению к иному государству. Следовательно, в ситуации конкуренции государств как денежных эмитентов ставка эмиссионного налогообложения и процентная ставка являются одновременно и (промежуточными) объектами, и (в контексте необходимости присвоения продуктов действий других агентов) средствами ценовой конкуренции государств. Вместе с тем государство осуществляет и неценовую конкуренцию. Средствами неценовой межгосударственной конкуренции являются собственно денежная эмиссия, а также действия, формирующие определенный валютный режим. В случае низкой внешней конкурентоспособности фирм данной экономики, чреватой уменьшением базы налогообложения, государство может намеренно совершать инфляционную денежную эмиссию и формировать соответствующие валютные ограничения. Напротив, в случае высокой внешней конкурентоспособности фирм данной экономики государство может ограничивать денежную эмиссию, устранять валютные ограничения либо воспроизводить валютный режим, характеризующийся отсутствием ограничений.

Таким образом, в модели закрытой экономической организации промежуточным объектом конкуренции эмитирующей деньги государства-фирмы и иных фирм являются величины эмиссионного налога и процентной ставки (процентного дохода). В модели открытой экономической организации помимо указанной конкуренции имеет место конкуренция государств-фирм. Объектом состязания государств-фирм является не только возможность присвоения необходимых налогово-эмиссионного и процентного доходов, но и (промежуточный объект) собственно возможность совершения денежной эмиссии.

Второй интересующий нас аспект — конкуренция фирмы «государство» в качестве микроэкономической организации, совершающей производство и предложение услуг, соответствующие неэмиссионному налогообложению.

Нет никаких оснований допускать, что обменивая неэмиссионные долговые обязательства на соответствующие (неэмиссионные) налоги, государство решает иную, отличную от случая производства денег и присвоения налогово-эмиссионного и процентного доходов, задачу. Как и в первом случае, задача государства — присвоение чистого денежного дохода, необходимого для его существования. Однако обстоятельства ее решения несколько иные.

Вследствие того, что субъекты государства-фирмы конкурируют с другими индивидами за возможность присвоения продуктов специализированных действий других агентов и, таким образом, за возможность индивидуального

воспроизводства, они заинтересованы в росте чистого дохода государства и, в конечном счете, соответствующих предпринимательской прибыли и заработной платы. Между тем абсолютные и относительные величины этих типов дохода являются ограниченными налогово-эмиссионным и процентным доходами. Поэтому необходимым условием осуществления этой задачи являются производство и продажа государством товаров (услуг), отличных от производства денег, и осуществление соответствующего им неэмиссионного налогообложения.

Прецедентное основание возможности осуществления неэмиссионного налогообложения — эмиссионное налогообложение, обусловленное необходимостью производства денег; будучи прецедентом, эмиссионное налогообложение допускает возможность совершать и иного типа налогообложение. Совершаемое государством обоснование неэмиссионного налогообложения — возможности государства не ограничиваются исключительно денежной эмиссией; оно может также предлагать иные долговые обязательства и соответствующие им услуги. Обстоятельства, содействующие осуществлению этой возможности: (1) негарантированность удовлетворения конкурирующими индивидами своих потребностей; (2) ожидания конкурирующих индивидов и (прочих) фирм относительно государства как фирмы, должной (совершающей налогообложение) и могущей (осуществляющей производство всеобщего средства присвоения) предоставлять иные (отличные от эмиссии) услуги, содействующие возможности индивидуального воспроизводства.

Не совершая неэмиссионное налогообложение, государство не может предоставлять другие, отличные от эмиссии денег, услуги. Вследствие того, что неэмиссионное налогообложение — необходимое условие предоставления государством и присвоения индивидами и (прочими) фирмами данных услуг, для экономических агентов эти услуги не являются безвозмездными; услуги этого типа — товары.

Осуществление государством неэмиссионных долговых обязательств — производство и предоставление государственных неэмиссионных услуг. Государство обменивает (продает) долговые обязательства этого типа на неэмиссионные налоги. Особенность данного обмена заключается в следующем: неэмиссионное налогообложение есть не только (а) формирование дохода государства, но и (б) средство выполнения государством долговых обязательств, а также (в) средство конкуренции государства с другими микроэкономическими организациями (фирмами).

Рассмотрим указанные (б, в) особенности. Государство производит услуги двух типов: (1) промежуточные услуги и (2) конечные услуги. Сначала примем во внимание случай промежуточных услуг — услуг, не являющихся объектом непосредственного потребления. Примерами этого типа государственных услуг следует считать ограничение государством (1) цен и (2) собственно производства некоторых видов товаров. Фокусирование внимания именно на этих действиях государства является следствием того обстоятельства, что они типично квалифицируются как очевидная иллюстрация государственного регулирования отдельных рынков, отраслей и в конечном счете экономики.

Предваряя изложение, подчеркнем, что в представленных далее ситуациях

ограничение государством товарных цен и производства каких-либо видов продуктов совершается именно посредством неэмиссионного налогообложения. Эта идея является логичной и в предметном и методологическом аспектах. В экономико-теоретическом ракурсе государство не является внеэкономической — монопольно совершающей легитимное насилие — организацией. Соответственно ограничение цен и производства логически корректно может быть описано в контексте неэмиссионного налогообложения либо возможности его совершения.

(1) Ограничение цены. Ограничение государством цен каких-либо видов товара считается несомненным признаком экзогенного вмешательства в рыночные отношения. Соответственно ограничение государством цен каких-либо видов товара, продаваемых, например, фирмами-монополистами, типично определяется в качестве государственного регулирования цен. Это действие воспринимается как средство антимонопольного регулирования — содействия фирмам иных отраслей, а также «стимулирования» конкуренции. Другое восприятие — ограничение монопольных цен есть средство достижения социальной справедливости.

В качестве аналитической модели, демонстрирующей соответствующие этому регулированию изменения отношений покупателей и продавцов, используется, как правило, графическая модель частичного рынка «крест Маршалла». В данной модели государство не относится ни к покупателям, ни к продавцам некоего отдельного вида товара. Соответствующее действие государства вызывает снижение исходной цены, увеличение объема спроса и уменьшение объема предложения, появление избыточного спроса (дефицита товаров).

Применение этой модели позволяет сделать непосредственно следующий вывод. Не будучи покупателем и продавцом данного вида товара, но воздействуя на его цену, государство экзогенно регулирует отношения субъектов частичного рынка. В свою очередь, на основании этого вывода формулируется общий вывод: если государство не относится ни к покупателям, ни к продавцам частичного рынка, но тем не менее воздействует на цену, спрос и предложение отдельного вида товара, то оно является экзогенной организацией, регулирующей не только частичный рынок, но и экономику. Согласно нашей — эндогенной — модели государства это, однако, не так.

Прежде всего следует отметить, что рынком отдельного вида товара совокупность рынков не исчерпывается. Поэтому вывод, формулируемый в контексте лишь отношений государства и покупателей и продавцов рынка отдельного вида товара, отнюдь не является основанием, логически корректным для формулирования вывода относительно отношения государства и экономики, состоящей из совокупности рынков. Собственно говоря, известные отличия микроэкономических моделей частичного рынка (Маршалл) и общего равновесия рынков (Вальрас) являются тому подтверждением. Эти отличия являются и содержательными, и формальными.

Акцентируем внимание на последних. Функциональные отношения участников частичного рынка могут быть представлены и в графическом, и в алгебраическом видах, отношения участников равновесной вальрасовской экономи-

ки — исключительно в алгебраическом виде. Между тем графическая модель частичного рынка примечательна пространственной наглядностью соответствующих представлений. Кажущаяся безусловность соответствующих ей выводов отчасти есть следствие того, что, будучи именно пространственным — геометрическим — образом рынка, она заведомо (даже без каких-либо теоретических предпосылок относительно государства), или иначе чисто графически (отсутствие кривых спроса/предложения государства) представляет государство как регулирующую организацию. (В вальрасовскую — алгебраическую — модель равновесия рынков государство ввести невозможно.)

Предположим, что некая фирма-монополист продает некий товар. Государство определяет цену этого товара как монопольно высокую и полагает необходимым ее ограничить. Соответственно государство может предложить фирме-монополисту снизить товарную цену, обещая в противном случае совершить действие в виде возрастающего налогообложения дохода фирмы-монополиста. Другой вариант — собственно совершение резко прогрессивного налогообложения дохода этой фирмы. Таким образом, государство-фирма выполняет действие, соответствующее проданному конкурирующим налогоплательщикам (индивидам и фирмам) долговому обязательству, т.е. совершает действие в качестве участника рыночной организации. Поскольку это долговое обязательство продано всем экономическим агентам, то его выполнение — действие государства, завершающее товарно-кредитное отношение государства и налогоплательщиков — не является экзогенным вмешательством в экономику. Иначе говоря, оно не является регулированием экономики. Государство-фирма совершает это — антимонопольное — действие в контексте решения своей задачи, а именно присвоения необходимого чистого дохода.

Услугу «ограничение цены» государство может представлять как косвенное содействие индивидуальному воспроизводству каких-либо индивидов (государство непосредственно не предоставляет индивидам какие-либо продукты, например, лекарственные препараты). (Вместе с тем, с равным успехом, государство может представлять в качестве косвенного содействия тому же индивидуальному воспроизводству и не совершение этого действия по отношению к каким-либо монополистам: отказ от ограничения цены может представляться, например, как государственное содействие технологическому развитию.)

Ограничение цены — всеобщее и вместе с тем ситуативное явление. Это действие является всеобщим в значении «оплачено неэмиссионными налогами». Это действие является ситуативным, во-первых, вследствие избирательной реакции государства, а именно вследствие того, что государство ограничивает лишь некоторые монопольные цены. Во-вторых, ограничение цены является ситуативным вследствие ситуативного отношения к нему со стороны экономических агентов: один и тот же индивид либо одна и та же фирма в качестве покупателей, взаимодействующих с продавцом-монополистом, могут быть заинтересованы в ограничении монопольной цены, в качестве субъектов другого рынка — монополистов-продавцов, могут быть заинтересованы в отсутствии указанного действия государства. (В первом случае действие государства является для них ситуативно выгодным, а во втором — ситуативно невыгодным.

Таким образом, поскольку государственное действие «ограничение цены товара» — всеобщее и ситуативное, оно не является для индивидов и фирм однозначно выгодным либо невыгодным.)

(2) Ограничение производства. Государство может совершать и такое действие как ограничение производства какого-либо вида продукта какой-либо фирмы либо множества фирм. В качестве обоснования ограничения производства может фигурировать такое обстоятельство, как, например, защита потребителей от продукции низкого качества. Совершение этого действия является противодействием прежде всего соответствующим — производящим данный вид продукта — фирмам. Данная услуга государства не является непосредственным предметом потребления экономических агентов, являющихся налогоплательщиками. Тем не менее она воспринимается как содействие государства потенциальным потребителям в удовлетворении их потребностей. Следует отметить, что не существует теоретически однозначных критериев, позволяющих идентифицировать уровень качества соответствующих видов продукта. Основная причина данного обстоятельства — объективные свойства какого-либо продукта (качество продукта, отличающее его от другого типа продукта) не идентичны его уровню качества, ибо последнее есть оценочное отношение индивидов к соответствующей совокупности свойств продукта. (Далее в работе в стилистических целях понятие «качество» используется в значении «уровень качества».)

Ограничение производства может быть обеспечено обещанием государства совершить по отношению к соответствующим фирмам определенных, невыгодных для последних, действий. Вместе с тем этим ограничением может быть возрастающее налогообложение соответствующего вида производства. В этом (втором) случае налогообложение есть не только присвоение неэмиссионного денежного дохода, но и средство выполнения государством долговых обязательств. Более того, налогообложение может быть также конкурентным действием государства. В этом контексте отметим два варианта действий государства. (Этими — нижеследующими — вариантами возможные действия государства не исчерпываются; возможны различные комбинации действий. Однако обращение к этим вариантам позволяет аналитически ясно зафиксировать отношение государства к налогообложению как, помимо прочего, к конкурентному действию.)

Первый вариант. Ограничивая производство некоего продукта, государство непосредственно не конкурирует с соответствующими фирмами относительно возможности собственно производства данного продукта. Между тем, ограничивая производство какого-либо продукта на основании (государственной) оценки его качества, государство демонстрирует, что не бездействует, а следовательно, имеет основание присваивать неэмиссионные налоги и в конечном счете формировать чистый денежный доход. Если ограничением является относительно возрастающее налогообложение, то налогообложение — и действие, формирующее доход государства, и действие, являющееся средством выполнения государственного долгового обязательства.

Второй вариант. Ограничивая возрастающим налогообложением произ-

водство фирмами данного продукта, государство (одновременно либо после прекращения фирмами производства) начинает совершать его производство и, следовательно, замещать эти фирмы в качестве микроэкономической организации, производящей (и продающей) данный продукт (товар). В этом случае налогообложение является (а) присвоением денежного дохода, (б) выполнением долгового обязательства и (в) конкурентным действием — действием, позволяющим государству заменить фирмы в качестве производителей и продавцов соответствующего вида продукта. Таким образом, государство непосредственно состязается с фирмами за возможность производства и продажи товара, являющуюся одним из аспектов конкуренции государства-фирмы за возможность присвоения чистого денежного дохода и соответственно за возможность воспроизводства.

Л. Мизес утверждает, что с рыночным хозяйством совместимы лишь невысокие налоги [3, с. 693]. Это, как следует из представленных выше рассуждений, однако, не так. Государство, объективно решающее задачу, подобную задаче фирмы, — присвоение чистого денежного дохода, не может типично ограничиваться «невысокими налогами», ибо неэмиссионное налогообложение есть средство неценовой конкуренции государства с иными экономическими агентами.

Далее обратим внимание на конечные услуги государства, являющиеся объектом непосредственного потребления. Часть производимых государством услуг (товаров) относится к группе конечных услуг. Даже если государство осуществляет монопольное производство прямых услуг, его действие является конкуренцией — состязанием за возможность присвоения им необходимого чистого дохода. В обеспечении присвоения возрастающего дохода и состоит назначение предоставления конечных услуг. (То обстоятельство, что предоставление некоторых из этих услуг обусловлено не только взиманием неэмиссионных налогов, но и соответствующих тарифов, позволяет отметить неспособность государства осуществлять ценовую конкуренцию. Взимание дополнительной платы в виде тарифов является признаком того, что государство не только не заинтересовано предоставлять соответствующие услуги исключительно за деньги, присваиваемые в виде неэмиссионных налогов, но и не в состоянии этого делать.) Можно полагать, что государство заинтересовано в применении именно тех технологий производства и представления прямых услуг, которые позволяют формировать технологическую зависимость потребителей и соответственно обеспечивать возможность стабильного формирования денежного дохода.

Следующий аспект исследования конкуренции государства в качестве микроэкономической организации, осуществляющей неэмиссионное налогообложение, — межгосударственная конкуренция.

Существует множество микро- и макроэкономических моделей открытой экономики, изображающих действия государства в качестве государственного регулирования внешнеэкономических отношений [см. 1, т. 2, с. 546—730; 4]. Предметом исследований являются основания, виды (тарифное и нетарифное, фискальное и монетарное, валютное), микро- и макроэкономические последст-

вия и эффективность государственного регулирования внешнеэкономических отношений.

В конечном счете множество этих моделей можно разграничить на две группы, соответствующие альтернативным типам концепций, а именно концепции «политика свободной внешней торговли» и концепции «политика протекционизма». Тем не менее внешнеторговая политика рассматривается в качестве явления, отличного от фискального, монетарного и валютного регулирования внешнеэкономических отношений. Внешнеторговая политика определяется как государственное регулирование объема и структуры внешней торговли тарифными и нетарифными методами.

Нас интересуют протекционизм и политика свободной внешней торговли в контексте государственной конкуренции: можно ли объяснить называемые таким образом события как проявления конкуренции государства? В соответствии с предметно-методологическими признаками настоящей работы нетарифные методы могут быть отождествлены со 100%-м налогообложением внешнеэкономических действий.

Общим для указанных типов концепций является то обстоятельство, что в них фигурируют, хотя и различные, представления об эффективности с «точки зрения экономики». Теоретическим основанием действий государства, называемых политикой свободной внешней торговли, является рикардианская концепция сравнительных преимуществ. Согласно этой концепции оптимальными внешнеэкономическими отношениями (подразумевается международная специализация) являются те, которые формируются в соответствии с межстрановыми сравнительными (конкурентными) преимуществами и потому характеризуются максимальными величинами национального производства и потребления. В данном случае фигурирует статическая эффективность. Теоретические основания протекционизма иные. Как считается, протекционизм является следствием, как правило, необходимости обеспечения национальной безопасности (сохранения и развития отраслей, выпускающих стратегическую — оборонную — продукцию), увеличения внутренней занятости, диверсификации экономики (для обеспечения экономической и социальной стабильности) и защиты новых (возникающих и, как предполагается, временно неконкурентоспособных) отраслей национальной экономики. Данная концепция, предполагающая, что протекционизм содействует достижению эффективности, однако, не является чисто экономической и потому, что не удивительно, не содержит дефиниции «эффективность».

В контексте каузальной модели собственно экономических отношений ни одна из этих разнотипных в предметном и методологическом аспектах концепций не содержит теоретически адекватной аргументации, а потому не является теоретически приемлемой — объясняющей выбор государства между протекционизмом и допущением свободной внешней торговли и существо этих явлений.

Согласно излагаемой в данном исследовании модели государства наиболее существенным обстоятельством его действий является решаемая государством задача — присвоение необходимого для его воспроизводства (по возможности,

возрастающего) чистого денежного дохода.

Хотя отнюдь не безошибочно, но государство-фирма определяет свое отношение к внешнеэкономическому конкурентному взаимодействию именно в соответствии с задачей присвоения им необходимого чистого денежного дохода — в контексте необходимости (промежуточного) состязания с другими государствами-фирмами за возможность совершать производство денег (национальной валюты) и присваивать количественно определенные налоги. Данное познавательное отношение к действиям государства позволяет выявить следующую закономерность. Чем ниже внешняя конкурентоспособность фирм данной экономической организации (экономики), тем меньше в случае отсутствия протекционизма база неэмиссионного налогообложения и соответственно чистый денежный доход государства. И, напротив, чем выше внешняя конкурентоспособность фирм данной экономической организации, тем больше в случае отсутствия протекционизма база неэмиссионного налогообложения и, стало быть, тем больше чистый денежный доход государства.

На основании этого утверждения следует полагать, что именуемые протекционистскими, действия государства — соответствующие налоговые ограничения импорта — есть средства конкуренции данного государства с иными государствами в ситуации низкой конкурентоспособности фирм данной экономической организации. Соответственно в ситуации высокой конкурентоспособности фирм данной экономической организации адекватными средствами конкуренции данного государства и с иными государствами являются непротекционистские действия — низкий уровень налогообложения импорта. Таким образом, в контексте внешнеэкономических отношений совершаемое государством неэмиссионное налогообложение является средством межгосударственной неценовой конкуренции.

В заключительной части акцентируем внимание на конкуренции государства в модели закрытой экономики. Этот акцент обусловлен тем, что соответствующая аргументация квалификации действий государства как конкурентных в предметно-методологическом, концептуальном и логическом аспектах является наиболее существенной.

Монопольная способность государства-фирмы совершать производство денег и налогообложение предопределяют тенденцию к монополизации государством производства и предложения неэмиссионных услуг и соответственно ограниченность конкуренции государства, а именно совершение им неценовой и межотраслевой конкуренции. Между тем фирмы являются участниками не только межотраслевой и неценовой, но также ценовой и внутриотраслевой конкуренции.

То обстоятельство, что внутренняя конкуренция государства является преимущественно межотраслевой и неценовой, позволяет полагать, что основным — обеспечивающим большую часть присваиваемого чистого дохода — средством конкуренции государства выступает неэмиссионное налогообложение, возможное именно потому, что государство является эмитентом денег.

Типичные представления об экономической конкуренции неявно содержат положение о равенстве возможностей экономических агентов в использовании

средств конкуренции. Это положение, однако, не является верным. Монополизм государства как денежного эмитента не исключает собственно (а именно межотраслевую) конкуренцию, но исключает равенство конкурентных возможностей государства и фирм. Если в этой роли государство имеет очевидное неценовое конкурентное преимущество, а денежная эмиссия сопряжена с эмиссионным налогообложением, то государство обнаруживает обусловленную данным обстоятельством (производную, вторичную) уникальную возможность использовать в качестве средства (также неценовой) конкуренции и неэмиссионное налогообложение. Совершение этого налогообложения исключает равенство конкурентных возможностей государства и фирм, но, опять-таки, не исключает собственно конкуренцию этих микроэкономических организаций.

Если допустить, что государство перестает осуществлять производство денег, то, как следствие, оно лишается возможности осуществлять не только эмиссионное, но и неэмиссионное налогообложение и, таким образом, оказывается неспособным конкурировать с иными экономическими агентами. Соответственно, нет оснований ожидать, что государство, являющееся наряду с фирмами бюджетной микроэкономической организацией, может отказаться от конкуренции с фирмами и не использовать в качестве средства конкуренции неэмиссионное налогообложение.

В представленной каузальной модели конкуренция государства не является максимизационной (оптимальной), ибо индивиды, сообщество которых и образует государство (а равно и прочие индивиды), не являются абсолютно рациональными. Государству заранее неизвестно, какие именно действия будут совершаться фирмами и прочими индивидами, в том числе в качестве реакции на его действия. Соответственно государству, к тому же эмитирующему взаимоисключающие долговые обязательства и потому производящему противоречивую (несогласованную) совокупность услуг, результативность собственных действий (будет ли им присвоен необходимый ему чистый доход) априори неизвестна.

Литература

1. Барр Р. Политическая экономия: в 2 т. / пер. с фр. М.: Международные отношения, 1995.
2. Луговой О. Ю. Экономическая теория государства: предмет и метод исследования. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. 288 с.
3. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. М.: Экономика, 2000. 878 с.
4. Миклашевская Н. А., Холопов А. В. Международная экономика: учебник / под общ. ред. А. В. Сидоровича; МГУ им. М. В. Ломоносова. 2 изд., доп. М.: Дело и Сервис, 2000. 304 с.
5. Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / пер. с англ.; под ред. В. С. Катькало, Н. П. Дроздовой. СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005, XXXIV + 702 с.
6. Шамхалов Ф. И. Государство и экономика. Власть и бизнес. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2005. 714 с.